

ЗАПРОСЫ ВРЕМЕНИ ¹⁾.

Мм. гг.!

Вы приходите на поприще высшего богословского образования, на помощь и отчасти на смѣну намъ, старшимъ поколѣніямъ, въ знаменательное время: людей, образованныхъ богословско - философски, теперь охотно слушаютъ, теперь хотятъ, чтобы они говорили, почти требуютъ этого... Право быть выслушаннымъ великое и цѣнное право, которымъ далеко и далеко не часто пользовались представители богословской науки во времена былыя,—даже и не особенно отдаленныя! Прежде, въ недоброй памяти старое время, къ богословамъ нерѣдко относились, какъ къ отвѣтчикамъ, въ плохихъ судахъ: ихъ судили и осуждали, не выслушавъ и даже иногда не желая выслушать что-либо изъ ихъ устъ въ собственную защиту. Теперь, по всѣмъ признакамъ, наступаютъ лучшія времена: богословскіе вопросы весьма предупредительно включаются теперь въ рядъ другихъ, волнующихъ современное общество, вопросовъ—научныхъ, общественныхъ, литературныхъ—и богословы-профессионалисты охотно допускаются къ участию въ ихъ обсужденіи и притомъ допускаются не въ качествѣ стороннихъ, такъ сказать, слушателей, но въ качествѣ активныхъ участниковъ въ преніяхъ съ полноправнымъ голосомъ.

Знаменательная перемѣна, которой можно только радоваться!

¹⁾ Вступительная лекція, сказанная въ сентябрѣ текущаго года студентамъ перваго. по общему счету LXII, курса, предъ началомъ чтеній по Метафизикѣ.

Однако, чтобы эта радость наша была „исполнена“, чтобы современные богословы какъ должно, достойно и цѣлесообразно, воспользовались предоставляемымъ имъ правомъ слова, для этого имъ необходимо, прежде всего, непрестанно и твердо помнить, что, какъ всякое право дается лишь подъ условіемъ извѣстныхъ обязанностей и, даже больше,—какъ всякое право есть въ сущности лишь другая сторона той или иной, заложенной въ немъ, обязанности: такъ и право общественнаго слова, особенно по столь важнымъ вопросамъ, каковы вопросы богословско-философскіе, въ хорошо и правильно понятой своей сущности, есть не что иное, какъ обязанность или, точнѣе, сказать, цѣлая система обязанностей. И вотъ именно теперь, при вашемъ первомъ вступленіи на поприще высшаго богословскаго образованія, когда, чрезъ вступленіе въ Академію, вы впервые, такъ сказать, призываетесь къ участию въ великомъ современномъ спорѣ о высшихъ интересахъ разума и вѣры,—именно теперь почитаю, съ своей стороны, весьма благовременнымъ остановить ваше вниманіе на тѣхъ *обязанностяхъ*, которыя кроются въ предоставляемомъ вамъ правѣ слова, правѣ на общественное вниманіе.

Первая обязанность, подъ условіемъ выполненія которой богословски образованнымъ людямъ предоставляется теперь это право, заключается въ томъ, чтобы ихъ рѣчи шли не мимо современныхъ запросовъ, но какъ разъ именно на встрѣчу имъ. Казалось бы, что можетъ быть естественнѣе и проще этого требованія? И однако, когда оглядываешься на прошлое богословской науки, вчитываешься въ ея исторію, то убѣждаешься, что условіе это выполнялось прежде развѣ лишь въ очень и очень скромныхъ предѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ общемъ составѣ нашей русской мысли наука богословская до самой послѣдней поры представляетъ какъ бы *regnum in regno*,—совершенно обособленную и замкнутую область. Богословы-специалисты обыкновенно работаютъ не въ виду запросовъ общественной мысли, но по внутреннему требованію своихъ собственныхъ изысканій. Одна тонкость вызываетъ въ ихъ изслѣдованіяхъ другую. Одна специальная справка отсылаетъ къ другой. Камень за камнемъ возводится вѣковое, монументальное и стойкое, зданіе, съ удивительною иногда выработкою рисунка въ деталяхъ. Но въ этомъ

зданіи для того, кто впервые вступаетъ въ него извнѣ, пустынно, неудобно и неуютно,—не говоря уже о рискѣ заблудиться въ его безконечныхъ лабиринтахъ. И весьма естественно, по этому, что люди, чуждые специально богословскаго образованія, входятъ, въ это зданіе не часто и не охотно, а если и входятъ,—пусть, иногда даже съ самыми лучшими и искренними намѣреніями,—то остаются въ немъ не долго и скоро покидаютъ непривѣтливое жилище со слишкомъ угрюмыми его обитателями и слишкомъ холодной атмосферой...

Нельзя сказать, чтобы труженики богословской науки не замѣчали этого, во всякомъ случаѣ, печальнаго порядка вещей. О, нѣтъ! Замѣчали и замѣчаютъ. Но, къ сожалѣнію, эту аномалію они готовы не только оправдывать, но порою возводятъ даже и въ норму. *Такъ*, говорятъ, и быть должно. Глубины и специальныя подробности мысли, говорятъ, лишь для людей посвященныхъ: *procul profani esto!* Между специалистами богословами и обществомъ, массою должны, говорятъ, стоять (и стоять,—разумѣются пастыри Церкви!) посредники и истолкователи, на обязанности которыхъ лежитъ упрощать и примѣнять къ потребностямъ минуты общія положенія богословской науки. И дѣло это, продолжаютъ, не трудное. Здѣсь будто-бы своего рода силлогизмъ: общее положеніе вѣвременной науки; частный случай изъ текущей жизни; выводъ... Такъ и такими именно соображеніями обыкновенно успокоиваютъ себя богословы-профессіоналисты. Нельзя, конечно, отрицать за всѣми этими соображеніями нѣкоторой доли основательности. Но нельзя, съ другой стороны, не видѣть и того, что систематическое и вѣковое невниманіе къ живымъ запросамъ мысли и жизни, къ такъ называемой „современности“, наложило на богословскую науку такой характеръ, что иногда, и при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, при сопоставленіи тѣхъ или другихъ положеній богословской науки съ живыми запросами времени, нельзя получить никакого вывода или,—продолжая приведенное сравненіе,—нельзя построить никакого силлогизма.

И вотъ мы слышимъ около себя, особенно часто именно въ послѣднее время, протестующіе противъ такого характера богословской науки голоса, нерѣдко даже и изъ среды самыхъ представителей богословскаго міра. И нельзя, конечно, относиться безучастно къ такому, наприм., явленію

(а вѣдь это фактъ и не единичный!), что православный священникъ открыто заявляетъ, будто у богослововъ онъ тщетно искалъ разъясненія того или другаго вопроса, а вотъ угг. Розонова или Мережковского нашель... Есть, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ для богословской науки нѣчто въ высокой степени симптоматичное и даже какъ бы трагичное. Съ хранителями, казалось бы, безспорныхъ „истинъ“ традиціонной богословской науки на нашихъ глазахъ иногда совершается тоже, что, говорятъ, особенно въ старинныя времена, нерѣдко случалось съ иными, слишкомъ бережными, хранителями бумажныхъ денежныхъ знаковъ: приносить такой хранитель для размѣна на звонкую монету ассигнацію, но размѣнять не можетъ, такъ какъ—увы!—появились уже ассигнаціи новаго образца, а для старыхъ прошелъ даже и послѣдній срокъ давности... Печально это, но бываетъ. И помочь бѣдѣ тутъ очень трудно: это ошибка прошлаго. И какъ ассигнація, не подлежащая размѣну, получаетъ интересъ развѣ лишь для археолога, такъ и инныя положенія богословской науки, вслѣдствіе ихъ полной неприспособленности къ живымъ запросамъ и несоизмѣримости съ ними, сплошь и рядомъ имѣютъ значеніе также лишь историко-археологическое.

Отсюда выводъ: необходимо православному богослову, если онъ хочетъ быть активнымъ и разумнымъ участникомъ въ общемъ движеніи современной мысли, чутко вслушиваться въ запросы времени, особенно какъ они отражаются въ литературѣ, и глубоко, напряженно - пристально вдумываться въ особенности духовныхъ интересовъ, которыми живетъ современное общество и которымъ онъ хочетъ итти навстрѣчу.

Второе условіе, при выполненіи котораго, питомцамъ духовныхъ школъ, будутъ охотно предоставлять право на участіе въ обсужденіи интересующихъ современную мысль вопросовъ, и притомъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ полнѣе это условіе будетъ выполнено, заключается въ томъ, чтобы, при раскрытіи христіанскихъ истинъ, они, по возможности, пользовались всѣми тѣми пріобрѣтеніями естественной мысли,—научными, философскими, литературными и художественными,—которыми по преимуществу живетъ такъ называемое „свѣтское“ общество. Настоятельность этого чувствуется теперь едвали не болѣе, едва ли не острѣе, чѣмъ когда-либо прежде—равно какъ и желательность, настоящая потреб-

ность въ томъ, чтобы богословы, насколько только возможно, стремились облекать богословскія истины въ термины общаго сознанія или, проще, стремились говорить съ обществомъ понятнымъ ему языкомъ.

И опять казалось-бы—что можетъ быть естественнѣе этого желанія? И однако, въ ряду цѣлыхъ поколѣній, „духовная“ и „свѣтская“ школы такъ обособились другъ отъ друга, настолько утратили общность интересовъ и единство приемовъ аргументаціи, что порою, кажется, уже совсѣмъ не понимаютъ другъ друга, — какъ люди, говорящіе на различныхъ языкахъ и живущіе въ кругу совершенно инородныхъ міросозерцаній и идей. Расхожденіе линій, опредѣляющихъ черты обоихъ міросозерцаній, которыми живутъ эти двѣ школы, настолько значительно, что онѣ являются иногда какъ бы двумя противоположными полюсами мысли. Многое, благодаря именно этому отсутствію взаимнаго пониманія, для стороны противоположной кажется прямо абсурдомъ, не заслуживающимъ даже и опроверженіе... А между тѣмъ, какъ много въ такъ называемой „свѣтской“ литературѣ,—и исторической, и философской, и литературно-художественной,—такихъ цѣнныхъ приобрѣтеній естественной мысли, такихъ, иногда прямо вдохновенныхъ, прозрѣній и озареній человѣческаго ума, которыя, при внимательномъ и умѣломъ пользованіи ими, могли бы быть всецѣло обращены на служеніе богословской наукѣ! И не только мысли, но и ихъ внѣшняя оболочка,—научная формула, поэтическій образъ, самое слово, наконецъ, въ его живомъ историческомъ движеніи,—все это могло бы быть обращено на служеніе богословской наукѣ, а чрезъ нее и самой Вѣчной Истинѣ!

Конечно, предметамъ священнымъ приличествуютъ и слова священныя. Но вѣдь многое, по своему происхожденію не „святое“, Церковію освящается, претворяется въ святое: почему-же возможное относительно матеріальныхъ вещей было бы не возможно относительно продуктовъ человѣческаго духа, наприм., относительно слова? Почему не пользоваться „свѣтскою“ литературою для раскрытія богословскихъ истинъ?.. Это не только возможно, но такъ въ дѣйствительности и было — въ „золотой вѣкъ“ христіанскаго просвѣщенія. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что расхо-

жденіе духовной и свѣтской школь, о которомъ мы говоримъ, есть продуктъ позднѣйшихъ временъ. Церковь-же древняя его не знала. Апологеты, Отцы и Учители древней Церкви, какъ извѣстно, и сами пользовались, въ своихъ твореніяхъ, „свѣтскими“ (даже языческими!) произведеніями и осторожное пользованіе ими рекомендовали другимъ. Припомнимъ изъ многого, сюда относящагося, хотя бы знаменитую *бесѣду* Василя Великаго къ юношамъ „о томъ, какъ получать пользу изъ языческихъ сочиненій“.

Въ обладаніе благами, ведущими къ той жизни,—таковъ ходъ мыслей въ этой бесѣдѣ,—насъ вводитъ конечно, священное Писаніе. Но чтобы постичь глубину его смысла, необходимо сначала упражнять духовное око на другихъ писаніяхъ,—какъ бы „въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зеркалахъ“. Сродство обоихъ этихъ источниковъ знанія, рассуждаетъ далѣе св. Отець, лишь тѣмъ сильнѣе подтвердитъ истину. А при ихъ различіи истинность ученія откровеннаго выступить лишь тѣмъ ярче. Притомъ, и красотой выраженія истины, чему такъ много способствуетъ изученіе классическихъ твореній, по его мысли, не слѣдуетъ пренебрегать. Воинъ готовить себя къ своей отвѣтственной службѣ различными способами и многообразными предварительными упражненіями: такъ долженъ поступать и воинъ Христовъ, призванный бороться за истину Откровенія, снисшедшую съ неба.

„И мы должны держаться той мысли“,—пишетъ св. Отець,—„что намъ предлежитъ подвигъ, важнѣйшій всѣхъ подвиговъ, подвигъ, для котораго все должно сдѣлать, для приготовленія къ которому надобно трудиться по мѣрѣ силъ, бесѣдовать и съ стихотворцами, и съ историками и съ ораторами, и со всякимъ человѣкомъ, отъ кого только можетъ быть какая-либо польза къ попеченію о душѣ. Красильщики назначенное къ окраскѣ готовятъ сперва особыми способами, и потомъ наводятъ цвѣтъ, пурпуровый, или другой какой: подобнымъ образомъ и мы, чтобы добрая слава наша навсегда оставалась неизгладимой, посвятивъ себя предварительному изученію сихъ внѣшнихъ писателей, потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки и, какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ, наконецъ, взоры къ самому свѣту. И если между ученіями есть какое взаимное сродство, то познаніе ихъ бу-

детъ намъ кстати. Если же вѣтъ сего сродства, то изучать разность ученій, сличая ихъ между собою, не мало служить къ подтвержденію лучшаго ученія... Но чему уподобивъ каждое изъ сихъ ученій, можемъ составить себѣ ихъ образъ? Конечно, собственное превосходство дерева—изобиловать зрѣлыми плодами; но оно носить на себѣ и вѣкоторое украшеніе—листья, колеблющіяся на вѣтвяхъ: такъ и въ душѣ истина есть преимущественный плодъ, но не лишена пріятности и то, если душа облечена внѣшнею мудростію, какъ листьями, которые служатъ покровомъ плоду и производятъ не неприличный видъ“...

Такъ пишетъ Василій Великій, который, вмѣстѣ съ Григоріемъ Назіанзинимъ, былъ, какъ извѣстно, наиболѣе ревностнымъ защитникомъ существовавшаго тогда обычая воспитывать христіанскихъ юношей, между прочимъ, и на произведеніяхъ классическихъ. Но даже и противники этого обычая, и притомъ изъ числа наиболѣе строго и ригористично относившихся къ произведеніямъ классической древности, не безусловно осуждали ихъ: по меньшей мѣрѣ литературной формѣ они отнюдь не запрещали христіанамъ учиться изъ произведеній языческой письменности и, съ этой точки зрѣнія, довольно снисходительно смотрѣли на занятіе ими христіанъ. „Я осуждаю“, говоритъ, наприм., бл. Августинъ,—*„не слова, которыя представляютъ собою избранные драгоценные сосуды, а вино заблужденія, которымъ упоютъ насъ въ словахъ упоенные учителя“*. Итакъ, только бы христіане не упивались „виномъ языческаго лжеученія“. Но драгоценными художественными сосудами, въ которыхъ оно содержалось, они пользоваться могутъ.

Отсюда новый выводъ примѣнительно къ питомцамъ богословской науки и предстоящей имъ задачѣ: въ цѣляхъ успѣха предстоящей имъ внутренней миссіи, имъ необходимо, ожививъ въ своемъ сознаніи завѣты „золотаго вѣка“ христіанскаго просвѣщенія, возможно внимательнѣе относиться не только къ содержанію общаго просвѣщенія и такъ называемой „свѣтской“ литературы, но и къ самымъ ея литературнымъ приемамъ, къ ея формѣ, чтобы говорить съ обществомъ его языкомъ, бороться съ его предрассудками его-же оружіемъ и пользоваться, для положительнаго раскрытія христіанской истины, его-же собственными приемами и со-

ображеніями, досказывая и доразвивая, возводя до полной истины частичные намеки на нее, чаянія и предвосхищенія, которыми, часто въ трудно узнаваемой формѣ, полна и естественная мысль, особенно въ ея лучшемъ отраженіи: въ современной наукѣ, искусствѣ и литературѣ.

Наконецъ, третье требованіе, — самое главное, подъ условіемъ выполненія котораго только и получаютъ свой истинный смыслъ два другія, указанія нами выше: безусловно необходимо, чтобы, выступая предъ „свѣтскимъ“ обществомъ, съ цѣлю дать вопрошающимъ отвѣтъ въ своемъ упованіи (1 Петр. 3, 15), богословы черпали прежде всего изъ *своихъ* собственныхъ источниковъ, прислушивались къ *своимъ* авторитетамъ и утверждались на *своихъ* собственныхъ твердыняхъ, — на твердыняхъ православно-христіанской истины. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ничего печальнѣе той растерянной торопливости, съ какою иногда богословы, какъ бы отчаявшись въ возможности отстоять свои позиціи, покидаютъ ихъ и, перебѣжавъ на сторону противника, поспѣшно и неразборчиво берутся за его оружіе, — обыкновенно не лучшее. Такіе маловѣрные перебѣжчики не только страшно вредятъ дѣлу, которому хотятъ служить, ибо уже заранѣе не внушаютъ къ себѣ и словамъ своимъ довѣрія, какъ люди сами не увѣренные въ непоколебимой истинности своихъ убѣжденій, но и поступаютъ крайне несправедливо. Ибо вѣдь одно дѣло моя собственная неспособность найти тотъ или другой аргументъ и совсѣмъ другое дѣло его наличность въ организмѣ церковной истины. И зачѣмъ-же, по какому нравственному праву, сдаваясь, такъ сказать, преждевременно на капитуляцію, такіе неопытные полемисты - апологеты (а они, къ нашему стыду и досадѣ, теперь не рѣдкость!), — зачѣмъ они дѣлаютъ видъ, будто безпомощны не они лично, а самый строй мысли и жизни, представителями котораго они выступаютъ, сама Церковь, говоря конкретно? Зачѣмъ эти постоянныя подчеркиванія и оговорки, особенно досадныя въ устахъ лицъ, облеченныхъ духовнымъ саномъ, будто того или инаго „у Отцовъ не найдешь“, будто къ тому или иному „Церковь не опредѣлила своего отношенія достаточно ясно“ и т. д.? Найдешь и увидишь, что „опредѣлила“, *если* свое невѣдѣніе не будешь отождествлять съ объективнымъ отсутствіемъ разъясненія той или другой ис-

тины... Такіе приемы просто неблагородны. Съ философской же точки зрѣнія, они догматичны, страдаютъ отсутствіемъ въ нихъ духа истиннаго, всегда плодотворнаго, критицизма, который постоянно напоминаетъ, что мое „не понимаю“ еще вовсе не значить: *непонятно* и мое: „мнѣ такъ кажется“ отнюдь еще не значить, будто такъ оно и *есть*. Въ нашемъ же случаѣ некритическое смѣшеніе этихъ положеній особенно не научно, ибо вѣдь, въ верховныхъ вопросахъ религіозной мысли и жизни, выше нашихъ единоличныхъ разумѣній, всегда условныхъ, стоитъ инстанція верховная, мистическій абсолютъ, то-есть Церковь...

Замѣчательнѣе всего во всемъ этомъ вотъ что: само такъ называемое „свѣтское“ общество крайне не сочувственно относится къ поползновеніямъ, со стороны представителей богословской науки, на эту преждевременную капитуляцію, какъ въ этомъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ, наприм., хотя бы лишь протоколы Петербургскихъ религіозно-философскихъ собраній. „Вы говорили о многомъ, но забыли сказать о главномъ,—какъ учать о предметѣ спора Христосъ и Церковь“: такія рѣчи слышались въ собраніи не разъ и, нужно сознаться, что, когда они обращены отъ лица „свѣтскаго“ къ „духовному“, они звучатъ уже не просто какъ поправка, но даже какъ прямая укоризна. Хорошо и вполне цѣлесообразно, конечно,—какъ я и говорилъ выше,—пользоваться, при раскрытіи православно-христіанской истины, пріобрѣтеніями естественнаго человѣческаго ума, но—лишь подъ условіемъ сохраненія ея подлинной сущности и духа. Когда же этого нѣтъ, когда отношенія переставлены и изъ второстепеннаго сдѣлано главное, когда доступность и близость той или другой истины къ сознанію общества покупается цѣною измѣненія или ограниченія ея подлиннаго смысла, тогда получается нѣчто не только не-цѣлесообразное, но и прямо предосудительное, можно даже сказать преступное, подлежащее тѣмъ большому осужденію, что „субъектомъ вмѣненія“, говоря языкомъ юристовъ, здѣсь является лицо, *добровольно* принявшее на себя отвѣтственную обязанность разъясненія и защиты православной истины.

Отсюда новый и послѣдній выводъ, примѣнительно къ современнымъ богословамъ, призываемымъ къ участию въ осужденіи высшихъ вопросовъ мысли и жизни: было бы

съ ихъ стороны не только предосудительно, но даже прямо преступно покупать для себя право общественнаго слова цѣною приспособленія къ ходячимъ, хотя бы и широко распространеннымъ, мнѣніямъ, ибо не въ мысли человѣческой, всегда измѣнчивой и непостоянной, мѣра мысли Божіей, но наоборотъ лишь въ этой послѣдней мѣра и норма для первой.

Только что сказанное о модныхъ мнѣніяхъ до нѣкоторой степени приложимо и къ научнымъ гипотезамъ, когда онѣ, въ расширенной формѣ, возводятся на ступень цѣлыхъ міросозерцаній. Наука, въ лицѣ своихъ истинныхъ представителей, скромна и сравнительно лишь немногія изъ своихъ положеній утверждаетъ въ качествѣ непреложныхъ и вѣчныхъ истинъ. И притомъ ея „истины“, — дѣйствительныя истины, — обыкновенно такого характера, что онѣ не вяжутъ деспотически мысль, искренно охваченную поисками цѣльнаго міросозерцанія, но оставляютъ широкой просторъ для ея самостоятельныхъ, собственно философскихъ, построеній. Однако, умы поспѣшные и догматическіе, чуждые духа критицизма и практической осторожности, обыкновенно восполняютъ инвентаръ научныхъ истинъ условными гипотезами, преждевременно возводя ихъ, съ одной стороны, въ рангъ „истинъ“, а съ другой торопливо расширяя до цѣлыхъ всеохватывающихъ міросозерцаній, — конечно, при такомъ условіи, чрезвычайно одностороннихъ, если только не прямо ложныхъ. Это пристрастіе къ поспѣшнымъ философскимъ построеніямъ наблюдается вездѣ и повсюду въ исторіи человѣческой мысли. Но особенно оно даетъ себя чувствовать именно въ наше время, когда является уже какъ что-то почти болѣзненное, патологическое...

Здѣсь мы достигаемъ одного изъ существеннѣйшихъ, въ нашемъ изложеніи, пунктовъ, на которомъ намъ необходимо остановиться нѣсколько долѣе.

Странное получается зрѣлище, если современный *globus intellectualis* окинуть однимъ взглядомъ съ нѣкоторой общей точки зрѣнія. Недостатка въ освѣщеніи открывающихся перспективъ нѣтъ. Напротивъ, на иныхъ пунктахъ умственный свѣтъ сосредоточенъ, можетъ быть, уже черезъ чуръ ярко, — въ очевидный ущербъ другимъ. Но надъ этимъ міромъ нѣтъ единаго центральнаго свѣтила и каждый его районъ озаренъ своимъ свѣтомъ, имѣющимъ свои характерныя отливы. Въ общемъ

получается нѣчто подобное громадному военному стану, въ которомъ собраны вмѣстѣ представители различныхъ народностей, иногда даже плохо понимающихъ другъ друга: войны расположились отдѣльными и обособленными группами, изъ которыхъ каждая грѣется у своего костра, время отъ времени бросая пылливо-недовѣрчивые взгляды на группы, расположившіяся у сосѣднихъ костровъ; въ промежуточныхъ, слабѣе освѣщенныхъ, пространствахъ мѣстами вырисовываются причудливыя тѣни, которыя сидящимъ у костра разсмотрѣть можно лишь при помощи направляемаго на нихъ издали рефлектора, съ его характерными преломленіями и отливами; въ дополненіе къ этому зрительному впечатлѣнію, надъ станомъ стоитъ смѣшанный шумъ разноязычныхъ голосовъ—то равнодушныхъ и безучастныхъ, одинъ къ другому, то враждебно-повышенныхъ и вызывающихъ... Въ самомъ дѣлѣ, повидимому, мы уже очень близко подошли къ той опасности, которую предвидѣлъ и отъ которой предостерегалъ еще дальнорзоркій Кантъ,—къ такъ называемой *атомизаціи мысли*. Только тогда какъ Кантъ видѣлъ опасность въ непрерывно увеличивающемся дробленіи *спеціальныхъ наукъ*, изъ которыхъ каждая хочетъ развиваться вполнѣ самостоятельно, внѣ философіи, — намъ приходится больше опасаться непрерывно увеличивающагося дробленія различныхъ *философій*, которыя хотя и жить и развиваться внѣ всеозаряющаго и всеоживляющаго свѣта Откровенія.

Предъ нами, въ самомъ дѣлѣ, теперь повсюду выступаютъ обособленныя направленія именно „философской“ мысли, которыя, несмотря на то, что ихъ судьба обыкновенно бываетъ тѣсно связана съ *условными*, часто слишкомъ условными, научными гипотезами, имѣютъ притязаніе на *безусловное* значеніе, въ качествѣ единственно будто бы истинныхъ міросозерцаній, исключаящихъ всѣ другія, до библейско-теистическаго включительно.

И прежде всего, къ нашему времени со всею рѣшительностію опредѣлилось, въ своей радикальной противоположности міропониманію библейско-теистическому, то направленіе мысли, которое беретъ точку отправленія въ эволюціонномъ ученіи о началѣ міра. И такое логически-оппозиціонное обособленіе эволюціоннаго міросозерцанія неизбѣжно, разъ эволюціонная гипотеза вообще допущена. Въ самомъ дѣлѣ,

разъ мы приняли, ее, хотя бы лишь въ одномъ пунктѣ, то eo ipso, какъ ея неизбѣжное логическое слѣдствіе, мы должны принять и рядъ другихъ гипотезъ, опредѣляющихъ, въ известномъ (противоположномъ теистическому) направленіи, содержаніе *всѣхъ* наукъ, болѣе или менѣе тѣсно соприкасающихся съ наукою объ основныхъ началахъ существующаго, то-есть съ Метафизикою. Если дарвинизмъ правъ, то значитъ между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ существеннаго (генерическаго) различія, такъ что достаточно глубокой анализъ въ основѣ законовъ психологическихъ неизбѣжно долженъ открыть законы зоологическіе: законы ассоціаціи во области ума, инстинкта — въ области воли, примитивныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія въ жизни сердца. Если же такъ, то не только въ жизни индивидуальной, но и въ жизни „коллективной“ (соціологін) мы должны признать верховнымъ закономъ не законъ созидающей любви или обязывающаго долга, но законъ кровавой борьбы за существованіе. Тогда задачи искусства понизятся до простаго клиническаго константированія „звѣря въ человѣкѣ“, до изученія и иллюстраціи законовъ атавизма и т. д. Тогда и для метафизики будетъ уже принципиальною невозможностію, то-есть просто безсмыслицею искать за міромъ или внѣ міра Высшее Существо... Словомъ, тогда по всей линіи и во всѣхъ деталяхъ выступитъ предъ нами, какъ логически обязательное, грубое и низменное міропониманіе съ чертами *материалистическаго пантеизма*.

Взглянемъ теперь въ противоположномъ направленіи, — въ направленіи къ концу міра или, какъ предпочитаютъ говорить теперь, въ направленіи къ его „конечной эволюціи“. И здѣсь опять есть излюбленная у нашихъ современниковъ гипотеза, изъ которой, разъ она принята, вытекаетъ цѣлый рядъ логически-необходимыхъ слѣдствій, опредѣляющихъ, во всѣхъ существенныхъ чертахъ, одно изъ господствующихъ и также широко распространенныхъ современныхъ міропониманій. Это — гипотеза или, точнѣе, утопія *золотаго вѣка*, имѣющаго будто бы нѣкогда наступить на землѣ, подготовленіемъ къ которому, поэтому, должна быть будто бы занята безраздѣльно вся современная культура. И опять логика оппозиціи здѣсь совершенно неизбѣжная. Въ самомъ дѣлѣ, разъ конечная цѣль человѣческой исторіи именно такова, какъ

думаютъ утописты, тогда было бы прямою бессмыслицею смотрѣть куда-то дальше и выше земли или,—точнѣе и примѣнительно къ характеризующей нами точкѣ зрѣнія, — смотрѣть „мимо земли“. Тогда человѣку необходимо ограничить свой кругозоръ,—въ наукѣ, искусствѣ, морали, личной и общественной,—исключительно задачами устройства земнаго благополучія. Тогда на мѣсто мучительныхъ, вслѣдствіе своей всегдашней неудовлетворенности, идеаловъ безконечнаго нужно поставить, сравнительно легко удовлетворимые, идеалы всеобщей сытости и довольства. Тогда культура должна дѣлать предусмотрительный, хотя бы иногда и жестокій, „отборъ“ особей, пригодныхъ для земнаго рая, наприм., наиболѣе сильныхъ, наиболѣе здоровыхъ и т. д. Словомъ, и въ этомъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ, міросозерцаніе, во всѣхъ существенныхъ моментахъ, опредѣлится иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія библейско-теистической и предъ нами опять выступитъ философствованіе грубаго и низменнаго типа, хотя и съ другими чертами, сравнительно съ эволюнымъ.

Наконецъ, есть и еще одно направленіе современной мысли, не менѣе оппозиціонное въ отношеніи къ библейско-теистическому и, можетъ быть, не менѣе широко распространенное: это—такъ называемый детерминизмъ. Отвлекаясь отъ вопросовъ о началѣ и концѣ міра, онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на самомъ міровомъ процессѣ и, принявъ, при его истолкованіи, за точку отправленія, ученіе о необходимости,—механической или логической это все равно,—о строго и безызытно законмѣрной связи явленій, какъ она открывается въ процессахъ природы неорганической (однако, только здѣсь!), хочетъ исключительно съ этой точки зрѣнія и въ этомъ смыслѣ истолковать и весь міровой процессъ. И такъ какъ въ мірѣ, по неизбѣжной логикѣ положенныхъ въ основу такого міропониманія началъ, не остается мѣста для свободныхъ проявленій челоувѣческой воли, то и надъ міромъ не остается мѣста для міроуправляющаго Существа, для Бога Промыслителя. Міръ превращается, такимъ образомъ, въ исполнскую машину, а міропониманіе,—съ этой точки зрѣнія, — получаетъ существенно фаталистическій характеръ.

Итакъ, предъ нами три направленія современной мысли,

или, какъ иногда предпочитаютъ нынѣ говорить, три міровыхъ аспекта, между которыми различіе зависитъ отъ того, гдѣ, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, берется точка отправления и какая изъ современныхъ научныхъ гипотезъ избирается ключемъ мірообъясненія. Современный образованный человѣкъ понимаетъ міръ, его генезисъ, исторію и конечную точку существованія, по своему и лишь постольку и такъ, поскольку и какъ онъ озаренъ, предъ его мыслию, свѣтомъ принятыхъ имъ за несомнѣнныя научныхъ гипотезъ, или, возвращаясь къ сдѣланному нами сравненію,—понимаетъ въ зависимости отъ того, гдѣ онъ устанавливаетъ свой рефлекторъ и цвѣтомъ какой именно гипотезы отливаецъ направляемый этимъ рефлекторомъ на мірозданіе свѣтъ. Все, поэтому, въ современномъ quasi-научномъ міроистолкованіи подвижно и условно и все, вмѣстѣ съ тѣмъ, находится въ болѣе или менѣе острой оппозиціи къ мірозерцанію библейско-теистическому. Но хотя искусственный свѣтъ полагаемыхъ въ основу современнаго мірообъясненія научныхъ гипотезъ, какъ бы блестящи онѣ иногда ни были сами по себѣ, существенно отличается отъ свѣта Богооткровеннаго Ученія, однако, въ иныхъ преломленіяхъ и взаимосочетаніяхъ этихъ цвѣтовъ, между библейско-теистическимъ и современнымъ quasi-„научнымъ“ объясненіемъ міра получается иногда такое *внѣшнее* сходство (однако, всего чаще только внѣшнее!), при которомъ одно легко можетъ принять вмѣсто другаго. И вотъ гдѣ открывается опасность для современнаго, долженствующаго, въ виду запросовъ времени, быть по преимуществу философскимъ, богословія! И вотъ гдѣ именно современному богослову можетъ оказать незамѣнимую услугу философія! Она возведетъ современныя мнѣнія, дробныя и разсѣянныя, къ ихъ логическимъ основамъ и предпосылкамъ, вскрыетъ ихъ господствующія тяготѣнія и тенденціи, опредѣляемые тѣми или другими излюбленными научными гипотезами, и покажетъ, что научная гипотеза еще не есть научная истина и что для ума она отнюдь не обязательна,—особенно когда поспѣшно возвышается въ принципъ цѣльнаго философскаго міросозерцанія и притомъ такого, которое отрицательно затрагиваетъ дорогія намъ вѣрованія и убѣжденія. Тогда, при свѣтѣ этого философскаго анализа, предъ вами обличится въ своей неистинѣ

все то ложное и тенденціозное, все поспѣшное и непродуманное, что есть въ господствующихъ современныхъ мнѣніяхъ: ибо „велика истина и превосмогаетъ“!

Таковы открывающіяся предъ нами перспективы и задачи.

Въ составѣ академическаго образованія философія занимаетъ исключительное мѣсто: она призвана быть здѣсь какъ бы посредницею между такъ называемыми „свѣтскими“ науками и богословскими и наше время съ особенною настойчивостію подчеркиваетъ именно эту ея специальную задачу. Постарайтесь же, путемъ основательнаго и вдумчиваго изученія философіи, приобрести въ ней для себя такого союзника, который бы поставилъ васъ на уровень задачъ и требованій, предъявляемыхъ къ богословски образованнымъ людямъ современностію.

Алексій Введенскій.
